

СОБЫТИЕ У М.М. БАХТИНА КАК ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУЩЕГО

С.С. Аванесов

Томский государственный
педагогический университет,
Томск, Россия

iskiteam@yandex.ru

В статье анализируется ключевой смысловой аспект понятия события в философии М.М. Бахтина, связанный с пониманием бытия как самопревосхождения. Показано, что у Бахтина онтическая позиция человека определена как его производительное участие в бытии сущего в целом. Это выдвижение человека посредством поступка к онтическим «краям», к «последним границам бытия» и обеспечивает упомянутую «бесконечность» целого, иницируя его *прирост* и преобразая его в самопротиворечивое целое, *нецелое целое*, т. е. в такое целое, которое трансцендирует себя в поступке причастного ему человека. Именно поэтому у Бахтина речь идет об «открытой событийности бытия», в которой заданность преодолевает ограниченность (конечность) данности.

Представление о равном себе бытии сущего в данном ракурсе оказывается фантастическим, не имеющим отношения к реальности. Подлинно релевантным является представление о сбывающемся сущем в целом. Подлинное бытие – это событие, *превосходящее себя бытие сущего*, потому что реальность не *есть* сама по себе, но она *происходит со мной, деятельно становясь собой*. Действительно *есть* лишь то, что *происходит*, что сбывается благодаря поступающему участию ответственного субъекта. Происхождение означает открытость, разомкнутость происходящего.

Ключевые слова: антропология, онтология, М.М. Бахтин, бытие, событие, поступок, происхождение.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-23-30

Актуальность «человекомерной» онтологии Михаила Михайловича Бахтина для формулирования базовых положений философской антропологии всё еще недостаточно осознана и почти совсем не высказана в пространстве современной отечественной теории человека. Между тем без надлежащего освоения достижений Бахтина в названной области философская антропология вряд ли сможет преодолеть тот системный кризис, в котором она находится благодаря изначально ошибочной «аналитической» позиции, предписываемой антропологу «классической» объективистской парадигмой познания. В поле мышления Бахтина эта позиция претерпева-

ет революционную трансформацию, что позволяет преодолеть критический разрыв между мыслящим субъектом и объектом его мышления, между существующим и сущим в целом и, таким образом, артикулировать принцип взаимной (диалогической) определенности деятельного «я» и становящегося универсума как контекста его деятельности. Указанный онтологический (и одновременно антропологический) принцип выражен у Бахтина через концепт «событие». Отвлекаясь от многочисленных коннотаций названного концепта (в том числе и от его коммуникативного смысла как «со-бытия»), рассмотрим его ключевое значение в антропологической онтологии

Бахтина – такое значение, которое позволяет вести речь о становлении сущего не как о синтезе его бытия и небытия, но как о единственной реальности сущего, бытие и небытие которого предстают в таком случае как формы отвлеченного (абстрактного) суждения о нем.

Событие (событие бытия) – «центральное понятие ранней бахтинской философии» [3, с. 52] и один из ключевых концептов философии М.М. Бахтина в целом. Событие конституировано человеческим поступком; последний же осуществляется как единственная форма подлинного участия человека в бытии сущего. Участный поступок выражает собой трансрефлексивное отношение к реальности, в то время как чистое созерцание – и эстетическое, и метафизическое – оставляет человека в ситуации пассивной внеположности сущему, которое пред-стоит созерцателю как нечто внешнее ему. «В содержании эстетического видения, – пишет Бахтин, – мы не найдем акта-поступка видящего», поэтому «изнутри этого видения нельзя выйти в жизнь» [1, с. 92]. Этому диагнозу нисколько не противоречит то, что содержанием эстетического созерцания может оказаться сам созерцатель или его собственная биография; всё дело в том, что и в таком случае «самый акт-поступок этого видения не проникает в содержание, эстетическое видение не превращается в исповедь, а, став таковой, перестает быть эстетическим видением» [Там же], поскольку в исповеди преодолевается взаимная внеположность наблюдателя и наблюдаемого. Иначе говоря, «эстетический рефлекс живой жизни принципиально не есть саморефлекс жизни в движении, в ее действительной жизненности» [Там же, с. 93]. Такая чисто «эстетическая», созерцательная позиция провоцирует раскол меж-

ду субъектом восприятия и воспринимаемым сущим, делая невозможным действительное участие субъекта в этом созерцаемом противостоящем сущем. Следовательно, вопрос соотношения созерцания (в том числе и рефлексивного) и практики решается у Бахтина следующим образом: или эстетическое (отстранённое) *созерцание*, или действительное, трансрефлексивное *участие* в жизни мира.

Важно, что для Бахтина *действительность* такого участия состоит не в тотальной включенности субъекта в жизнь мира, а в реально действенном, *производящем* присутствии в мире *самого* этого субъекта как поступающего существа. В этом *сохраняющем себя* «вживании» субъекта в предметность мира «осуществляется нечто, чего не было ни в предмете вживания, ни во мне до акта вживания, и этим осуществленным нечто обогащается бытие-событие, не остается равным себе» [Там же]. Указанное неравенство бытия самому себе и есть та специфическая черта, которая позволяет опознать событие и в его отличии от простого («тупого» [Там же, с. 123]) бытия, и в его обусловленности персональным поступком ответственного субъекта. «Утвердить факт своей единственной незаменимой причастности бытию – значит войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому – войти в событие бытия» [Там же, с. 114]. Только таким образом сущее не отвлеченно *есть*, а действительно *происходит*. «Ответственное включение в признанную единственную единственность бытия-события и есть правда положения. Момент абсолютно нового, не бывшего и неповторимого здесь на первом плане» [Там же, с. 111]. Событийность бытия акцентируется у Бахтина прежде всего как незаконченность (не-конечность) мирового целого, как *происхождение небывшего*

благодаря активной участии поступающего субъекта. В этом и состоит «исходная интуиция» философии М.М. Бахтина – интуиция «события как бытийной открытости и прироста», «идея прибыльности и прироста в бытии» [5, с. 14, 15].

Понятие прироста означает преодоление ограниченности и определенности, указывает на движение за край налично сущего, на такое движение, которое *размыкает* это сущее. Согласно Бахтину, «действительный поступок мой на основе моего неалиби в бытии, и поступок-мысль, и поступок-чувство, и поступок-дело действительно придвинуты к последним краям бытия-события, ориентированы в нем как едином и единственном целом, как бы ни была содержательна мысль и конкретно-индивидуален поступок, в своем малом, но действительно они причастны бесконечному целому» [1, с. 120]. Это выдвигание человека посредством поступка к онтическим «краям», к «последним границам бытия» [Там же, с. 122] и обеспечивает упомянутую «бесконечность» целого, иницируя его *прирост* и преобразая его в самопротиворечивое целое, *нецелое целое*, т. е. в такое целое, которое трансцендирует себя в поступке причастного ему человека. Именно поэтому у Бахтина речь идет об «открытой событийности бытия» [Там же, с. 82], в которой заданность преодолевает ограниченность (конечность) данности. Эта идея бытийной открытости (или, иначе говоря, событийности как онтической динамики) лежит в основании первой философии Бахтина и берущих в ней начало более узких теоретических программах. Можно согласиться с тем, что у Бахтина «смысл события коренится именно в идее прибыльности и прироста в бытии и находит свое исполнение в конкретных тематических контекстах»

[5, с. 19]: литературоведческом, эстетическом, семиотическом, культурологическом, этическом и прочих.

При этом Бахтин акцентирует внимание на точном понимании слова «*причастность*» как термина, который наиболее адекватно характеризует позицию человека в отношении «мира», фиксируя одновременно и «участный», и дистантный характер этой позиции. «Причастность возможна не субстанциально, а событийно, – отмечает С.А. Смирнов. – Не может быть гарантии причастности авансом, наперед» [4, с. 123, 124], что было бы не причастностью, всегда обусловленной личным поступком, а заведомой поглощенностью. Согласно Бахтину, «главное действующее лицо события – свидетель и судия» [2, с. 521], т. е. субъект, находящийся *в определенном расположении* по отношению к сущему. Находиться в определенном расположении по отношению к чему-то означает *не совпадать* с ним. Тотальная принадлежность человека чему-то большему, чем он, была бы принципиально противоположна его событийной причастности. «Я причастен событию персонально» [1, с. 121]. Это значит, что причастность сохраняет дистанцию между «я» и иным и даже требует этой дистанции как своего условия. Можно быть причастным только *от себя*, со своего места. В подлинном вживании в реальность, отмечает Бахтин, я «ни на один миг не теряю себя до конца» [Там же, с. 93]. В противном же случае мы имеем тотальный диктат иного в отношении «я» – такой диктат, который растворяет персональное начало в универсальности сущего-в-целом.

Подлинная событийность бытия означает удержание человеком своей отличности от *другого* (как бы ни понимать это слово в зависимости от контекста его употребле-

ния), предохранение себя от *поглощения* другим: «чистое вживание вообще невозможно, если бы я действительно потерял себя в другом» [1, с. 93]. Во всяком «вживании» субъекта в реальное положение дел *я* и *другой* должны быть строго различены. «Понятие ответственности работает в поле этой разнозначности и как принцип поступка свидетельствует о том, что творческое новаторство события находит место в отношении к другому, определяемом как нравственное» [5, с. 35, 36]. Даже самоотречение в пользу другого или других как предельно нравственный поступок удерживает свою событийность (т. е. статус актуально значимого события, а не *факта* бытия) лишь при сохранении самого отрекающегося. В самом деле, «пассивное вживание, одержание, потеря себя ничего общего не имеют с ответственным актом-поступком отвлечения от себя или самоотречения», поскольку «в самоотречении я максимально активно и сполна реализую единственность своего места в бытии» [1, с. 93–94]; в одержимости же я полностью элиминирован, сведен к нулю и растворен в том, что (кто) *есть* через меня или посредством меня. «Чистое вживание, совпадение с другим, потеря своего единственного места в единственном бытии, – пишет Бахтин, – предполагают признание моей единственности и единственности места несущественным моментом, не влияющим на характер сущности бытия мира; но это признание несущественности своей единственности для концепции бытия неизбежно влечет за собой и утрату единственности бытия, и мы получим концепцию только возможного бытия» [Там же], радикально отличающегося от реальности *человеческого* мира. Поэтому «мир, где я со своего единственного места ответственно отрекаюсь от себя, не ста-

новится миром, где меня нет» [Там же]; он становится *именно тем* миром, где именно я действительно *совершаю* свой поступок отречения. Поглощение меня другим означает, что я *сам* не могу даже отречься от себя. Подлинное самоотречение невозможно, если я не сохраняюсь в этом акте отречения как сам от себя отрекающийся.

В таком смысле самоотречение (в подлинном значении этого слова) – это не поглощение единичного универсальным, не «самосожжение и универсализация своего я» [2, с. 520], не способ ухода со сцены бытия-события, не метод избавления от ответственности (не-алиби) путем переноса этой ответственности на то (того), в пользу чего (кого) я отрекаюсь от себя. Отречение имеет характер действительной ценности, а не средства достижения цели, упраздняющей само средство. Поэтому мое отречение от себя самого в пользу кого-то или чего-то *актуально присутствует* в бытии-событии как *действительное условие* сохранения того статуса, которое я придаю кому-то или чему-то этим моим отречением от себя в его пользу. С.А. Смирнов даже полагает, что в основании *всех* философско-антропологических принципов М.М. Бахтина «лежит принцип себя-исключения <...>. Принцип, идущий из глубины личной веры и понимания и переживания ситуации Христа как живой истории, задающей весь горизонт мировой антропологии» [4, с. 138].

Таким образом, мой поступок в отношении мира, в какой бы форме («позитивной» или «негативной») этот поступок ни совершался, всегда выражает мою «производительную» активность в отношении сущего в целом благодаря этой моей активности перестояющего быть замкнутым в себе сущим. Поступающий субъект «осуществляет специфическое размыкание со-

бытия-бытия, подтверждая свою активную причастность последнему» [5, с. 34]. Событие (сбывание) бытия для меня означает, что «я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое <...> место. В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился. И вокруг этой единственной точки располагается всё единственное бытие единственным и неповторимым образом» [1, с. 112]. Событие может иметь место только тогда, когда оно совершается, а совершается оно только в поступке, субъектом которого является *вот этот конкретный* человек. «Событие бытия, – отмечает Т. Щитцова, – вот измерение событийности, инкарнированное (но никак не субстанциализированное) в едином и единственном месте в бытии, которое (место) фокусируется Бахтиным в понятии личности» [5, с. 19]. Вне сферы влияния поступающих субъектов (личностей) можно предположить лишь статичное, довлеющее себе бытие самотождественного сущего.

Поскольку поступок представляет собой *реальное* бытийное свершение, постольку событие подлежит суждению в категориях долженствования и личной ответственности [Там же, с. 34]. «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности» [1, с. 124]. Только в этой ответственности личная жизнь и может быть *осмыслена*; в стихийной одержимости всеобщим никакого смысла нет. «Смысл бытия, для которого признано несущественным мое единственное место в бытии, никогда не сможет меня осмыслить, да это и не смысл бытия-события» [Там же, с. 93]. Поэтому-то,

согласно Бахтину, «философия жизни может быть только нравственной философией. Можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность. Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима» [Там же, с. 124]. Любой поступок личного субъекта в контексте событийности является, по сути, нравственным актом. «Понять предмет, – утверждает Бахтин, – значит понять мое долженствование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность. Только изнутри моей участности может быть понято бытие как событие, но внутри видимого содержания в отвлечении от акта как поступка нет этого момента единственной участности» [Там же, с. 95]. Таким образом, в опыте поступающего субъекта (личности) всякий факт и всякая вещь обладают неустранимым нравственным измерением, поскольку этот субъект всегда находит себя расположенным к ним в аспекте реального долженствования. «В этом был дар Бахтина – открывать в вещах измерение событийности» [5, с. 24]. Такая «событийность» сущего снимает момент принудительности в отношениях человека и мира, переводя их в регистр «нудительности», нравственной заданности, нормативности и открывая тем самым *перспективность* налично данного. «Измерение историчности связует воедино событие бытия человека и мир (бытие), в котором это событие свершается и который сам выступает, таким образом, в измерении событийности» [Там же, с. 20], т. е. в *человеческом* измерении.

Творящий нечто небывалое акт-поступок никоим образом не может быть

понят и назван «эстетическим рефлексированием в его существе», что сделало бы его «внеположным поступающему и его ответственности» [1, с. 93]. Такая внеположность есть только теоретическое предположение, абстрагирующее один из аспектов реального мира и в этом абстрагировании превращающее реальный мир в виртуальный («возможный»). Бахтин утверждает реальность события в сравнении с мнимостью (всего лишь теоретической *возможностью*) чистого бытия. Событие – это то, что сбылось. «Всё содержательно-смысловое: бытие как некоторая содержательная определенность, ценность как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – всё это только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной причастности моей. Изнутри самого смыслового содержания невозможен переход из возможности в единственную действительность» [Там же, с. 114]. Иначе говоря, онтологическая «легализация» перечисленных содержательных определенностей происходит через их осмысление в поступке, посредством которого эти определенности и поступающий субъект становятся причастными друг другу. «В зависимости от контекста, а точнее – от перспективы рассмотрения, событие бытия будет означать или бытие-событие мира, или событие бытия человека. Однако каждый из этих полюсов с необходимостью отсылает к другому, каждая из сторон, выдвигаемая на первый план рассмотрения, необходимо предполагает другую сторону. При этом между двумя полюсами существует напряженное взаимодействие, двусторонняя причастность. С одной стороны, “действительное бытие-событие” стягивается вокруг “моего единственного места в бытии”, с другой стороны, поступок

предполагает активную причастность “бытию-событию мира в его целом”» [5, с. 21].

А таким взаимно-причащающим поступком «должно быть всё во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство – только при этом условии я действительно живу, не отрываю себя от онтологических корней действительного бытия» [1, с. 114, 115]. Поступок, переводящий возможное бытие в действительное событие, не только обеспечивает прирастание бытия, но и возвращает собственно человеческое существование. «Отвлеченно-смысловая сторона, не соотношенная с безысходно-действительной единственностью, проективна; это какой-то черновик возможного свершения, документ без подписи, никого и ни к чему не обязывающий. Бытие, отрешенное от единственного эмоционально-волевого центра ответственности, – черновой набросок, непризнанный возможный вариант единственного бытия; только через ответственную причастность единственного поступка можно выйти из бесконечных черновых вариантов, переписать свою жизнь набело раз и навсегда» [Там же], сделать возможное действительным.

Таковы онтологические параметры события как подлинного способа *участия* человека в жизни. Согласно Бахтину, «закрывать этическое событие с его всегда открытым предстоящим смыслом и архитектурно упорядочить его можно, только перенеся ценностный центр из заданного в данность человека – участника его» [Там же, с. 140, 141], т. е. превратив человека в частный случай универсальной и всегда себе равной «природы». Такой смысловой перенос влечет искажение самого существования, в том числе и собственно культурного: «Мы вызвали призрак объективной культуры, который не умеем заковать» [Там же,

с. 123]. В этом и состоит смысл акта грехопадения, обратный смыслу подлинного поступка: перевод *события* в статус «тупого бытия», отречение от соучастия в пользу знания наличного «как оно есть», присвоение вторичному и частному статуса первичного, единственного и целого, деструктивная экзистенциальная аберрация.

Подлинное бытие – это событие, *превосходящее себя бытие сущего*, потому что реальность не *есть* сама по себе, но она *происходит со мной, деятельно становящимся собой*. Действительно *есть* лишь то, что *происходит*, что сбывается благодаря поступающему участию ответственного субъекта. Происхождение же означает открытость, разомкнутость происходящего. Согласно Бахтину, «событие бытия в его целом» представит как «незавершимое» [2, с. 521], т. е. всегда открытое, имеющее для себя перспективу.

Эта «незавершенная целостность» [Там же] и есть настоящая полнота бытия.

Литература

1. Бахтин М.М. К философии поступка / публ., вступ. ст. С.Г. Бочарова; примеч. С.С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984-1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80-160.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / сост.: С.Г. Бочаров, В.В. Кожин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Богатырева Е.А. М.М. Бахтин: этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 51–58.
4. Смирнов С.А. Михаил Бахтин: поступающее бытие-событие // Смирнов С.А. Чертов мост: введение в антропологию перехода. – Новосибирск: Офсет, 2010. – С. 123–140.
5. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. – Минск: Логвинов, 2002. – 300 с.

“EVENT” AS COMING INTO BEING IN M. BAKHTIN’S PHILOSOPHY

S.S. Avanesov

Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russian Federation

iskiteam@yandex.ru

In the article the author analyzes the key semantic aspect of the concept “event” in the philosophy of Mikhail Bakhtin. This aspect is related to the understanding of the being as self-transcendence. The author shows that Bakhtin defines a person’s position as his productive participation in the existence of being as a whole. Such a determination presupposes an understanding of the being as an open, closed, noninteger whole. In this perspective, the idea of equal to itself existence of being is fantastic and unrelated to reality. A truly relevant is the idea of being on the whole that comes true. The being on the whole never is, but always occurs due to participation of a responsible subject.

Keywords: anthropology, ontology, Bakhtin, being, event, act, coming into being.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.1-23-30

References

1. Bakhtin M.M. К философии поступка [To philosophy of act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: ezhegodnik, 1984–1985* [Philosophy and sociology of science and technology: yearbook, 1984–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 80–160. (In Russian)
2. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [The literary-critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 543 p.
3. Bogatyreva E.A. M.M. Bakhtin: eticheskaya ontologiya i filosofiya yazyka [M.M. Bakhtin: ethical ontology and philosophy of language]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1993, no. 1, pp. 51–58. (In Russian)
4. Smirnov S.A. Mikhail Bakhtin: postupayushchee bytie-sobytie [Mikhail Bakhtin: the incoming event-being]. Smirnov S.A. *Chertov most: vvedenie v antropologiyu perekhoda* [Devil's bridge (Teufelsbrücke): introduction to the anthropology of transition]. Novosibirsk, Ofset Publ., 2010, pp. 123–140.
5. Shchittsova T.V. *Sobytie v filosofii Bakhtina* [The event in of Bakhtin's philosophy]. Minsk, Logvinov Publ., 2002. 300 p.